

A kitten is lying on a dark brown leather jacket. In the center, a silver ornate frame contains the text 'Иван Кудишин' and 'СЕРЫЙ КОТЁНОК'. Below the frame, a handgun lies on a wooden surface with blood splatters. The handgun has a yellow label that reads 'TO A HOR TIMOTHY MCKEITHEN FOR BRAYBY'. A '12+' rating is in a circle in the bottom right corner.

Иван Кудишин
СЕРЫЙ КОТЁНОК

12+

Иван Владимирович Кудишин
Серый котенок
Серия «Маленькая страна посреди
Великого океана», книга 6

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50143624
SelfPub; 2020*

Аннотация

Что можно увидеть, находясь в коме после того, как вас ударили в висок колесом вставшего «на козла» мотоцикла... В результате невероятной череды приключений вам светит обзавестись серым пушистым котенком по кличке Мотор.

Содержание

С. Скрынникову	4
Тост на поминках	5
Конец ознакомительного фрагмента.	19

С. Скрынникову

«...И чтобы там ты был еще удачливей, чем здесь!»

Тост на поминках

Снег начался ранним утром, и к тому времени, как Тимоти вышел из парадного и направился к остановке автобуса, асфальт уже был здорово загажен грязной тающей массой. В кожанке без шарфа было зябко, но возвращаться домой ради утепления не хотелось: даже за пятиминутное опоздание шефиня взгреет по первое число... Со стороны он смотрелся, как олицетворение речения «Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу»: на ушах его плотно сидели плеерные наушники, исторгавшие Вагнера, глаза надежно прикрывали темные очки, а губы были столь крепко сжаты, что казалось, из этого рта никогда более не вылетит ни единого звука.

Да уж, неприятности ходят стаями, подобно акулам: началось все перед Рождеством, когда шеф и главный редактор их процветавшего в те недавние времена журнала, известный авиационный фотограф Джо Гридмэн, полетел в командировку в Иран. И не вернулся: на посадке самолет с прессой врезался в гору недалеко от Исфахана.

После похорон Джо (скорее всего, закопали почти пустой гроб: класть туда было особо нечего) издание пожелала возглавить его вдова, энергичная хорошенькая дама сорока с небольшим лет, которую неплохо знали в их кругах, так

как Джо везде брал ее с собой. Айрин Гридмэн «порулила» журналом всего полгода, но даже за этот короткий срок сумела развалить буквально все: при огромном личном обаянии, до бизнес-леди ей было, как до Луны. На счету редакции оставалось всего несколько сотен сэнгов, зарплата выплачивалась нерегулярно, о гонорарах вообще и говорить было не принято. На пятки наступали конкуренты, штатные корреспонденты либо искали подработки на стороне, либо вообще уходили в другие издания. А в конце лета единственный оставшийся в штате «супер-корреспондент» с мировым именем, Алек Эндрюс, несостоявшийся сэнгамонский космонавт, прошедший в свое время полный курс предполетной подготовки в Советском Союзе, свалился с обширным инфарктом. Короче говоря, впереди вырисовывался крах.

А Тимоти вот не мог уйти. Видимо, дело тут было в застарелой и немодной ныне порядочности, присущей ему: ну не мог он бросить свою горе-шефиню на произвол судьбы, вот не мог, и все тут... А ведь ему уже тридцать пять, ни семьи, ни детей, крохотная однокомнатная квартира в не самом престижном районе Сэйлема – города с откровенно поганым климатом, так несвойственным для Сэнгамона, зарплата в сто двадцать сэнгов, которой он уже, впрочем, не видит третий месяц. А впереди долгая и гнилая зима, в ящике письменного стола растет стопка неоплаченных счетов... И все чаще приходится прибегать к помощи небезызвестного

Джона-Ячменное Зерно¹. Не спиться бы этой зимой.

...На остановке зябло десятка полтора людей; большинство из них, как и Тим, недооценили коварство октябрьской погоды, одевшись без оглядки на сезон.

И тут он увидел маленький серый комочек, притулившийся возле стены дома рядом с остановкой. Котенок. Крохотный пушистый зверек был мертв, хотя на его тельце не было заметно повреждений: видимо, он замерз еще ночью.

Тимоти пронизало острое чувство жалости: мало того, что он был равнодушен к кошачьему племени вообще и к котяткам в особенности; дело тут еще было в его родовых корнях. Их род носил шотландскую фамилию, звучавшую странно: МакКиттен, что дословно обозначало «Сын Котенка». Когда-то, в Первую мировую войну, это имя прогремело на Западном фронте, затмив собою даже такие фамилии, как фон Рихтгофен и Гинемэр: прадед Тимоти, в честь которого его, собственно, и назвали, пошел добровольцем в Британский авиакорпус, где в течение полутора лет поднялся от второго лейтенанта до майора и стал единственным в мире асом, преодолевшим рубеж в сто побед. Прадед пережил войну, отделавшись сильной хромотой и простреленным легким. Он умер от чахотки весной девятнадцатого года, всего двадцати шести лет от роду... Все, что осталось от него на память – потускневший от времени Крест Виктории и не очень удачная фронтовая фотография. Весь осталь-

¹ Одно из прозвищ виски

ной немаленький «иконостас», равно как и наградной серебряный маузер, небогатые потомки майора МакКиттена давным-давно снесли в ломбард.

Подошел автобус, и Тимоти с облегчением влез в него: смотреть на несчастного котенка стоило ему нешуточных душевных мук, а не смотреть он не мог. Видение мертвого серенького котика продолжало навязчиво преследовать его. В голову полезли совсем уж траурные мысли: о родителях, которых он почти не помнил, об их любимом «Майнтанке», летящем в трехсотметровую пропасть, о том, как нянюшка, которая добровольно взяла на себя все заботы о четырехлетнем Тиме после их гибели, четыре следующих года говорила мальчику, что папа с мамой уехали в командировку в Штаты и вот-вот должны вернуться... В конце концов Тим все понял по разным косвенным признакам, и прямо спросил у няни: как погибли родители?.. После этого он долго утешал старую добрую леди, которая никак не могла унять рыдания. Сам же умудрился не проронить ни слезинки, считая плач проявлением слабости.

Так оно и осталось в дальнейшем, несмотря на то, что бесчувственным сухарем Тим ни в коем случае не был. Одинокий и необщительный, он привык прятать свои переживания и эмоции под маской непроницаемости на лице. Его ценили, как неплохого коллегу и добросовестного работника, никогда ничего не обещавшего, но и никогда не подводившего. Правда, и настоящих друзей у него было совсем немного.

А вот и нужная остановка. До редакции, размещавшейся в старом особняке на окраине Сэйлема, нужно было пройти еще метров восемьсот по безлюдной улице, застроенной по одной стороне пакгаузами, а с другой – ограниченной фабричным забором. «Скоро мы, наверное, съедем отсюда... Жаль...» – подумалось Тиму. Густой снег лениво сыпался вниз крупными хлопьями. Няня как-то рассказывала, что МакКиттены в свое время были богатыми фабрикантами, что вот эта самая текстильная мануфактура в конце позапрошлого века принадлежала им. Что увлечение Тима–старшего авиацией как раз от этого и произошло: фабрика выпускала перкаль для обшивки аэропланов.

...В снег иногда очень трудно определить направление, откуда исходит звук. Неожиданно белесое пространство вокруг Тимоти затопил мощный треск мотоциклетного мотора, перебивший даже увертюру к «Тангейзеру», звучавшую в наушниках. Тим заозирался, но так и не успел понять, что ревущее чудовище притаилось между двумя пакгаузами. Здоровенная «Ямаха» неожиданно вылетела прямо на него; водитель опрометчиво вздернул машину на «козла», ничего впереди себя не видя, на улице же ее повело на тающем снегу. Тимоти ударило в висок передним колесом, он отлетел в сторону и ударился головой об бордюрный камень. Наушники слетели с ушей, очки брызнули осколками.

Тим оторвал затылок от асфальта. Как ни странно, у него

ничего не болело, даже голова, которой он приложился более чем серьезно. «Может быть, так оно и бывает после смерти? Но где же тогда мое брэнное тело?» – подумал он, озираясь. Нет, вроде бы, он по прежнему был живехонек: кожа толстого летного реглана вполне материально закрипела от движения, на земле не осталось никаких следов от его лежания... Впрочем, ведь они должны были остаться: шел снег. Ан нет! Асфальт был сухим, небо, серое и низкое, тем не менее, не грозило разродиться снегом. Было значительно теплее, чем утром, свет сквозь облака тек не утренний, а скорее дневной. Так, ну и где же мотоцикл, который его сбил? Тоже ни следа. Тим ощупал карманы. Н-да, и тут чудеса. Что же, он пролежал здесь несколько часов, в течение которых асфальт успел полностью просохнуть, а в это время кто-то спер его разбитые никуда не годные очки и плеер, не тронув при этом бумажник? Расскажите это вашей бабушке! Так попросту не бывает. Хотя плеера жаль, сто двадцать семь сэнгов, настоящая Япония... Ладно, продолжим путь, благо, все кости целы, и мозги остались в черепушке, а не на асфальте.

Своим обычным быстрым шагом Тим двинулся вниз по улице, по-прежнему абсолютно безлюдной. И первое, что бросилось ему в глаза, стоило лишь осмотреться повнимательнее, было состояние пакгаузов, асфальта и фабричной ограды: все они как будто помолодели, сбросили несколько десятков лет. Пакгаузы серебрились свежим гофрированным металлом на фасадах, в заборе все прутья, как будто на

параде, стояли безукоризненной шеренгой, ни одного гнутаго или кривого, асфальт был не старым и расколотым, а свежим, почти черным, без единой трещинки... Что это, глюк или капремонт в течение двух выходных дней? И все же, где снег?! По своему многолетнему опыту Тим знал, что если уж снег в Сэйлеме зарядит – это не меньше, чем на три-четыре дня. Ну сухо же, сухо! Ерунда какая-то!

Дальше, дальше по улице. Ого! А что это за вычурный странный особняк справа за изгородью? Вот уж его точно в пятницу не было...

А меж тем, за оградой высился вполне барский домище в два этажа, с овальными окнами в стиле модерн, обрамленными декадентскими завитушками, с нависающими полукруглыми козырьками, весьма нелишними, учитывая особенности местного климата. Вот под этим козырьком вполне себе можно устроить праздничек персон на десять, выставив во двор пару скамей и стол...

– Мак?!² Это ты, брат?!..

Эта реплика застала Тима врасплох; он уставился на того, кто произнес ее, сначала просто с недоумением (братьев у него не было, да и быть не могло), а потом, рассмотрев собеседника – и с ужасом!

У калитки, ведущей в неведомый дом, которого не было раньше, стоял, опираясь на палочку, человек в английском военном френче горчично-зеленого цвета, унизированном

² Традиционная шотландская реплика, обращение к близкому другу

орденскими колодками от груди буквально до пояса. Слева на груди незнакомца красовалась сияющая шитая золотом эмблема британского Королевского военно-воздушного корпуса с георгианской короной.

При выдохах из груди приветливо улыбавшегося незнакомца доносилось явственное сипение. Но самое ужасное состояло в том, что жизнерадостная, хотя и очень нездоровая, пылавшая пунцовыми пятнами румянца физиономия его, как две капли воды, походила на ту, которой любовался Тим МакКиттен ежедневно в зеркале при бритье.

– Мистер... МакКиттен? – выдавил из себя Тим. «А не сошел ли я с ума?! Или это все бред угасающего сознания? Впрочем, встретить даже в бреду собственного прадеда – это совсем даже неплохо... Что ж, побредим еще немного!»

– Да, да, Тим МакКиттен собственной персоной! – человек во френче экспрессивным жестом отшвырнул окурок сигары – Слушай, Мак, если тебя не видели столько времени, это не значит, что тебя забыли! Прости ты меня, братишка, пожалуйста, не смог я найти тебя раньше – занят был немного! Ты ведь и есть Энди МакКиттен? Ты же меня ищешь?

– Д-да... – на всякий случай ответил Тим. «Господи, что же это все-таки? Жаль, если кто-то очень богатый и законченно психованный исключительно ради моей скромной персоны задумал закатить подобный костюмированный карнавал. А, может быть, я действительно провалился в прошлое?!»

– Вот он, (кххе-кххе-кхе!!!) лучший подарок на день рождения! Ну, Мак, братишка, сделай милость, зайди уж на огонек! В конце концов, брат ты мне или не брат?! Ну что делать, совершали наши папа с мамой ошибки... Пойдем! У тебя есть багаж?

Сказавши это, Тим МакКиттен – прадед ухватил Тима – очень младшего за руку, не приемля возражений, и, хромя на правую ногу, потянул за собою в калитку. Правда, по пути его скрутил приступ сильнейшего кашля, и вместе со слизью на песок дорожки выплеснулся сгусток крови.

– Извини, Мак, фронтовая привычка. Как немцы говорят: «В руку – и об стену!». В Европе мне сказали, ЧИхотка! Ерунда, братец Энди! Это всего лишь простреленное легкое! Ну, виски пьешь?

Тим – младший все еще не мог, не смел осознать создавшейся ситуации; правда, его рацию не желало сдаваться, твердя, что этого не может быть, но, с другой стороны, все окружающее смотрелось столь реальным и подлинным, что не принимать его во внимание тоже казалось сущей глупостью. Майор Тимоти, несмотря на болезнь, имел железные сухие пальцы, ничуть не утратившие силы.

– Простите, Тимоти, а повод-то какой?

– Энди, старик! Во-первых, ну-ка перестань «выкать»! Сразу (кхе-кхе) видно, что ты воспитывался далеко отсюда! Кстати, где? (кхе-кхе) У меня же сегодня день рожденья! Вот, вернулся из Европы, празднуем, а тут еще и дата. Два-

дцать шесть, как-никак!

«У прадеда день рождения был где-то в апреле... Стало быть, жить ему осталось около месяца.» – трезво подумал Тим, которого почему-то называли Энди (Кто такой Энди? В жизни не слышал!) – и смирился с происходящим.

– Дед... То есть, Тимоти, братишка, с удовольствием! Паршивая погода тут, не так ли? Жил я до четырнадцати в приюте в Метрополисе (это было святой правдой). А теперь вот тыкаюсь туда-сюда...

– А чем кормишься?

– Пописываю в газеты. – не соврал Тим.

– Молодец, Мак! Ну что ты упираешься, как неродной? Идем-идем! Молодец, наконец-то вернулся к корням. А я вот тут, (кхе-кхе) видишь, праздную на полную катушку. Правда, из гостей – одни родственники.

– Сколько ты германцев-то сбил?

– Как, не слышал, газетер? Сто семнадцать! (Кхе-кхе-кхххе!!!)

Цифра была правильной, и, несмотря на то, что она была широко известна, подействовала на Тима-младшего, как таз холодной воды за шиворот. Майор, тем временем, стесняясь, еще раз сплюнул в траву. Тим снова увидел краем глаза кровь в мокроте.

– Идем, старина, идем! Наконец-то! Ты где воевал сам? – спросил, походя, майор, чем в очередной раз поставил Тима перед необходимостью солгать.

– На Восточном фронте, под Ливнами.

– О-о! Ну, расскажешь, как оно там, нынче в России!

Помня в общих чертах историю революции в России, Тим отвечал:

– Там сейчас одному Богу ведомо, что творится... А тогда

– ну что, фронт как фронт. Я-то в окопах сидел...

– Понятно. Скучная была, наверно, жизнь, не то, что у нас, летунов! – прокомментировал Тимоти–старший с нотками снобизма в голосе – Ну ладно, (кхе-кхе!) пошли, я тебя, наконец, семейству представлю! – сказав так, майор отворил перед Тимом зеркальную дверь. За ней оказалась небольшая гостиная, обставленная легкой плетеной мебелью, полная народу. В углу пылал камин.

У Тима зарябило в глазах от одежд, которые можно было увидеть, разве что, в исторических мелодрамах: мужчины во фрачных парах, в сюртуках, в смокингах, женщины в пышных платьях – воланах без кринолинов, вышедших из моды в Сэнгамоне как раз во втором десятилетии прошлого века. Хе, вон у той рыженькой очаровашки, стоящей в профиль, под платьем, никак, турниор одет! Не может попка так зазывно торчать сама по себе. А вот эта старушенция, с неприятным выражением на крючконосом ведьминском лице, явно носит парик... Тим – младший озирался вокруг, стремясь углядеть хоть какое-то минимальное несоответствие эпохе, которое бы выдало ПОСТАНОВОЧНОСТЬ действия. Картина или фото с современным пейзажем, деталь мебели, ва-

за, чашка, телефон – ну хоть что-нибудь, выпадающее из образа! Тим знал, что хоть в одной мелочи прокалываются даже постановщики сверхдорогих исторических фильмов. Но вокруг себя он не видел ни единой зацепочки! Ни-че-го! И потом, в пятницу за забором был захламленный пустырь, там не суетились киношники, не велось ничего похожего на работы по возведению бутафорского дома. Теперь же вместо пустыря он ясно видел за окном лужайку с аккуратно подстриженной травкой и гаревой дорожкой, обложенной розовым бордюрным камнем. Да и дом отнюдь не производил впечатления бутафории. Применив бритву Оккама, получаем вывод: либо все окружающее – глюк, либо Тим действительно очутился в прошлом.

– Разрешите представить вам моего вновь обретенного старшего брата, Эндрю МакКиттена! – помпезно произнес майор, беря Тима под локоток. За их спинами неслышно нарисовался лакей, деликатно хмыкнул, и Тим понял, что пора снимать реглан и кепку. Разоблачившись, он передал одежду лакею, и, сопровождаемый прадедом, стал обходить полукруг своих давно опочивших родичей. «Сюр... Не может же быть, чтобы это происходило на самом деле! И потом, что я буду делать, если объявится настоящий Энди? Хотя, это вряд ли... Незвестное имя в нашем роду! Ну, ладно, маскаррад или не маскаррад, а вести себя следует кургуазно!» – решил про себя Тим.

Родичи глядели на его коричнево-зеленый однобортный

пиджак, черные запачканные штаны и темно-синий галстук поверх белой рубашки, с легким осуждением. Грязные ботинки тоже не укрылись от их внимания, вызывая недоуменный взлет бровей. Такое, пожалуй, не сыграешь. Н-да, влип в высшее общество, нечего сказать!

– Наш троюродный дядюшка Суэлл. – сказал тем временем майор.

Породистый старик с львиной гривой волос приподнялся с кресла навстречу Тиму, протянул руку, чуть не заставив его пробормотать «Ну что Вы, сидите, пожалуйста!». Тим вовремя прикусил язык: по отношению к этому человеку, чье горбоносое лицо с широко расставленными синими шотландскими глазами дышало благородством и ПОРОДОЙ, эти слова звучали, по меньшей мере, бестактностью. Этаким сам устанавливает уровень взаимоотношений, по собственному произволению... Одетый в безукоризненную темно-зеленую фрачную пару, он сжимал двумя могучими пальцами лопатообразной ручищи пузатый бокал с коньяком:

– Воевали, молодой человек? – спросил Суэлл, доброжелательно кивнув.

– Да, сэр.

– Где?

– В России. Пехота, сэр.

– Не повезло Вам, юноша! Говорят, после революции там стало твориться черт знает что.

– Именно, черт знает что, сэр! Да и до революции поряд-

ка было мало: слабовольный монарх, повальное воровство и коррупция, проклятый Распутин... Но мне повезло. Эвакуировали через Одессу морем, когда фронт начал разваливаться и стало ясно, что скоро будет замирение с немцами, сэр!

– Сынок, перестань «сэрить» на каждом шагу! Вот и Тим тебе скажет: вы теперь оба мне, как сыновья! С тех пор, как ваши беспутные (прости, Господи!) родители покинули этот мир, я взял на себя опеку над молодым МакКиттеном. Ну не знал я, прости уж, что у них есть еще один сын! Молчали, как стены форта Панкс! А тут, когда Тим все это замутил месяц назад – я обрадовался, ты не представляешь, как, Энди! Ну, слава Богу, что ты с нами! Кстати, а где нынче шьют такие интересные сюртуки?

– Это... русская мода... дядюшка Суэлл, сэр!

– Я же сказал тебе, сынок, перестань «сэрить»! – дядюшка Суэлл одновременно искренне улыбнулся, блеснув зубами, и грозно нахмурил клочковатые брови, из-под которых продолжали весело сиять синие глаза.

Тим раскланялся с дядюшкой Суэллом, а майор уже вел его к неприятной париконосной старухе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.